

**Фердинанд де Соссюр и его значение
в становлении лингвофилософской мысли
XX–XXI веков ***

В. И. Постовалова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Статья посвящена характеристике творческого и жизненного пути Ф. де Соссюра, раскрытию значимости его «Курса общей лингвистики» для становления лингвофилософской мысли XX–XXI вв. в аспекте процессов трансферизации знания в гуманитарном познании. Рассматривается вопрос о специфике интерпретации и адаптации философской терминологии в научном дискурсе на примере осмысления философской формулы «язык в себе и для себя», выражающей, по мысли издателей «Курса», его основную идею, а в восприятии критиков – его квинтэссенцию. Анализируется «лингвистическое кредо» Соссюра, основу которого составляет гносеологическая максима «точка зрения создает объект». Раскрываются идеи и принципы «реляционной лингвистики», разработанные Соссюром в рамках имманентно-семиологического подхода к постижению лингвистической реальности.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Постовалова В. И. Фердинанд де Соссюр и его значение в становлении лингвофилософской мысли XX–XXI веков // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 25–68.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© В. И. Постовалова, 2017

Ключевые слова: гуманитарное познание, научный и философский дискурс, внутринаучная рефлексия, имманентно-семиологический подход, реляционная лингвистика, форма и субстанция.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Постовалова Валентина Ильинична, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия, aroni4@yandex.ru)

Наука... является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни.

Анри Пуанкаре. О науке [1983, с. 510]

Внутринаучная философская рефлексия в лингвистическом познании и основные подходы к изучению языка

Известным показателем зрелости научной дисциплины является формирование в ней особого рефлексивного (метанаучного) плана самосознания науки, направленного на осмысление ее оснований, исходных принципов и представлений. Эту максиму так формулирует Т. И. Хилл в фундаментальном исследовании, посвященном описанию современных теорий познания: «Чем больше познание овладевает своими объектами, тем более разносторонний и сложный характер оно приобретает, а следовательно, тем более настоятельным становится требование, чтобы время от времени познание устремлялось на самое себя с целью уяснить, откуда оно является, куда ведет» [1965, с. 29].

Ядро внутринаучного осмысления составляет философская рефлексия, включающая два плана научного самосознания: онтологический и гносеологический. В науке о языке онтологический план касается истолкования того, что есть лингвистическая реальность как предмет научного изучения и какова ее природа. Гносеологический же план касается понимания того, как происходит осмысление предмета изучения в данной науке и каков эпистемологический статус самой науки о языке и лингвистического знания.

Функциональное предназначение внутринаучной философской рефлексии в научном познании многопланово и многообразно. Прежде всего, философская рефлексия высвечивает в предметном содержании науки его

сокровенные онтологические глубины, которые в силу своего специфического характера часто ускользают от сознания самих ученых. Такая рефлексия приоткрывает, далее, некоторые логически возможные ходы для теоретических построений науки, проистекающие из этого глубинного видения предмета. Философская рефлексия может обосновывать также целесообразность введения некоторых недостающих или мало известных в теории предмета категорий и принципов исходя из общефилософских принципов познания реальности. Наконец, внутринаучная философская рефлексия позволяет представлять предметное содержание науки в логически более ясной форме, не разрушая такого содержания в целом. По выражению А. Ф. Лосева, философия конкретных научных дисциплин есть «только более интимное, более связанное логически и более понятное построение тех же самых предметов» [1997, с. 34].

В научной дисциплине оба ее плана – собственно эмпирико-теоретический (исследовательский) и метатеоретический (рефлексивный) – диалектически взаимосвязаны. В своей высшей форме они даже могут сливаться друг с другом до полного единения. Однако, как замечает Лосев, «до известного и притом очень далекого предела эти две области могут строиться и развиваться совершенно отдельно» [Там же]. По выражению С. К. Шаумяна, развивающего сходное понимание, истинная задача философии в области научного познания заключается в том, чтобы «освещать науке путь, а что наука найдет на своем пути, это уже дело самой науки» [1971, с. 4].

В лингвистике обращение к философской рефлексии связывается, прежде всего, с поисками и обоснованием новых парадигм познания лингвистической реальности и обретения новых, более адекватных образов языка, создаваемых в рамках данных парадигм. «Сущность языка, – той мере, в какой она вообще может открыться, – открывается не “инструментально”, а философскому взгляду», – утверждает Ю. С. Степанов [1995, с. 28]. И приводит целую галерею образов языка, разработанную лингвофилософской мыслью последних двух столетий, начиная от понимания языка как языка индивида, системы и структуры до толкования его как типа, характера и пространства мысли. А также – как дома бытия духа, в котором соединяются образ языка М. Хайдеггера «язык – дом бытия» с истолкованием языка как энергии духа и миропонимания В. фон Гумбольдта.

В истории гуманитарного познания различные образы языка формируются в русле трех программных установок лингвофилософской мысли: антропологической, трансцендентно-религиозной и имманентно-лингвистической, исходящих из разных контекстов рассмотрения языка и понимания природы лингвистической реальности.

При первой, *антропологической*, установке лингвофилософской мысли, наиболее полно представленной в философии языка В. фон Гумбольдта, язык рассматривается как конститутивное свойство человека в единстве с его мирозерцанием, сознанием, культурой и духовной жизнью. Лингвистическая реальность в соответствии с данной установкой изучения языка предстает как реальность языкотворческой деятельности человека, воспринимаемая сквозь призму этой парадигмы. Последовательное проведение антропологической программы изучения языка выдвигает на первый план проблемы, касающиеся раскрытия взаимосвязи языка с разными сторонами бытия человека и рассматриваемые в составе многообразных *синтетических парадигм* постижения лингвистической реальности – социолингвистической, лингвокогнитивной, лингвокультурологической и др.

При второй, *трансцендентно-религиозной*, установке, исходящей из идеи универсального характера лингвистической реальности, язык рассматривается в максимально широком экзистенциальном и понятийном контексте – Бог, человек, мир (космос) – и предстает как живой мистико-символический феномен и духовная сила, обретая при таком понимании предельное «онтологическое возвышение».

В русле трансцендентно-религиозного подхода формируется особая *теоантропокосмическая парадигма* постижения лингвистической реальности, исходящая из принципов онтологизма и символического (мистического) реализма в понимании природы языка и его базисных единиц – слова и имени. Согласно основному постулату реалистической философии языка, между языком и реальностью постулируется сущностная связь. Так, в данной интерпретации имя в своем глубинном основании *мистично* (тождественно именуемому). И вместе с тем оно *магично* (динамично, тайнодейственно). По выражению П. А. Флоренского, рассмотреть, «как именно и почему слово мистично», – значит уяснить, «каков смысл учения, по которому слово есть знаменующая им реальность» [1990, с. 253]. Рассмотреть же, в «чем магичность слова, – значит понять, как именно и почему словом можем мы воздействовать на мир» [Там же, с. 252–253].

Наконец, при третьей, *имманентно-лингвистической*, установке лингвофилософской мысли язык рассматривается как автономное образование и самодостаточная («самодовлеющая») реальность. В своем предельном истолковании, представленном в радикальных вариантах *имманентно-семиологического* подхода, язык выступает в русле этой установки как десубстанционализированная система отношений различительных единиц в рамках «внутренней» (реляционной) лингвистики. В данном подходе находит свое известное отображение тенденция научной ментальности последних веков к деонтологизации реальности и десубстанциализации мышления, согласно которой «мышление в функциях все последователь-

нее очищает себя от реликтов мышления в субстанциях» [Аверинцев, 1997, с. 51].

Концептуальным основанием реляционной лингвистики является категориальная оппозиция «форма / субстанция». Говоря о «лингвистическом выражении» этих категорий, В. А. Звегинцев замечает, что «понятия формы и субстанции употребляются в языкознании без достаточно точного определения» [Звегинцев, 1967, с. 112]. Субстанция понимается лингвистами обычно «как все непосредственно и чувственно воспринимаемое» [Там же]. Что же касается понятия формы, то в имманентной теории языка, где исходным является понятие формы, форма определяется «как иерархия функций, или как строгая организация рассматриваемых единиц» [Там же, с. 113]. До известной степени применительно к лингвистическим исследованиям форма языка «отождествляется с его структурностью» [Там же].

В составе имманентно-семиологического подхода формируется особая *структурно-функциональная парадигма* постижения лингвистической реальности, содержательный смысл которой так формулируется у М. В. Мачавариани: «Язык – идеальный объект лингвистики – отныне трактуется как форма, структура, лежащая в основе продукта речевой деятельности... Главной задачей лингвистики стало описание синхронного состояния языка... описание функций состояния» [1967, с. 35].

В видении имманентно-семиологического подхода все важнейшие моменты языковой активности, связанные с бытием человека и его духовно-творческой деятельностью в языке, оцениваются как экстралингвистические. И, как лингвистически нерелевантные, они выносятся за пределы научно-лингвистического понимания языка в область «внешней» лингвистики или других гуманитарных дисциплин. Выражая суть такого понимания, А. А. Реформатский писал: «Весь язык строится на знаках, и эта семиотическая реальность должна быть индикатором для постижения через язык и жизни, и быта, и истории, и прочего... Но все это уже “за языком”. Надо всякий раз начинать с языковых фактов: есть фонемы, морфемы, лексемы, синтагмы... Больше ничего в языке не бывает и не может быть» [1975, с. 15].

Но если вся культурно-историческая реальность остается для лингвиста «за языком», что же такое сам этот язык и в чем заключается самое главное в языке, задается вопросом А. А. Реформатский. И называет центром языкового «пространства» морфологию [1979, с. 57, 59]. Еще ранее, полемически провозглашая, что лингвистам следует из своей терминологии изъять «содержание», он утверждал: «Конечно, и тут философы... могут справедливо вознегодовать: а как же без содержания? Это же бессодержательно? Пусть так, но я здесь говорю как лингвист и лингвистически хочу быть только в языке как таковом и *nes plus ultra!* И на это я имею право как

лингвист, или же нет такой науки – лингвистики!» [Реформатский, 1968, с. 108].

С позиции радикально-структуралистского взгляда на природу языка А. А. Реформатский полагал, что лингвистика должна предоставить «содержание» филологии и истории, где данное понятие применительно к языку найдет свое законное место. По мысли Реформатского, во многих случаях вопросом о значении слов действительно должен заниматься ученый. Но ученый какой специальности? – спрашивает он. И отвечает: «Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру. Скорее всего, – филолог как “пионер исторического знания”... это нужно и важно для многого, но это само по себе нелингвистично, а лишь строится на данных лингвистики, ее самое же представляя» [Реформатский, 1968, с. 114–115]. «Лингвистическое» же для радикально-структуралистского подхода означает антипсихологическое, антифизикалистское и антифизиологическое, чисто семиотическое (знаковое), системно-структурное начало в языковой деятельности человека.

**Лингвофилософские воззрения Ф. де Соссюра:
восхождение к имманентно-семиологической установке
изучения языка**

Родоначальником имманентно-семиологического подхода к изучению языка, получившего свое воплощение в различных направлениях структурализма¹, был Ф. де Соссюр. Это открыто признавали и сами структуралисты. Так, Л. Ельмслев в «Пролегоменах к теории языка» писал: «Давно стало ясно, что наряду с филологией, где изучение языка и его памятников есть средство познания литературных явлений и исторических событий, должна существовать лингвистика – наука о языке и его текстах как таковых. Но от замысла до исполнения путь долог... Мы изучаем физические и физиологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык. Чтобы создать истинную лингвистику, которая не есть лишь вспомогательная наука, нужно сделать что-то еще. Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*. Только таким образом язык как таковой может рассматриваться научно...» [1960, с. 266–267].

¹ По аналитическому описанию Н. С. Автономовой, «основные общенаучные моменты, определяющие структуралистскую проблематику в различных познавательных областях, – это примат отношений над элементами, примат синхронии над диахронией, стремление к выявлению инвариантов отношений и др.» [1977, с. 9].

И заключает: «В значительной мере мы будем основываться на том же экспериментальном материале, который рассматривался и в предыдущих изысканиях, на материале, который, будучи взят в новой интерпретации, представит объект лингвистической теории. Мы должны открыто признать нашу зависимость от предшественников там, где очевидные результаты были достигнуты другими учеными. В качестве первооткрывателя должен быть назван лингвист-теоретик швейцарец Фердинанд де Соссюр» [Ельмслев, 1960, с. 268].

*Что означает
рассматривать язык «в самом себе и для себя»*

В основе имманентно-семиологического подхода лежит *принцип имманентности*, символически сформулированный в заключительной фразе «Курса общей лингвистики» Соссюра. Здесь утверждается, что согласно основной идее данного курса (*avec l'idée fondamentale de ce cours*), «единственным

и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977, с. 269]. В оригинальном тексте: «la linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même» [Saussure, 1972, p. 317]².

В настоящее время принимается предположение о том, что данная фраза не принадлежит самому Ф. де Соссюру, а привнесена в текст «Курса» его издателями А. Сеше и Ш. Балли. Как на это впервые обратил внимание Р. Годель, непосредственная принадлежность этой фразы Соссюру в буквальном смысле не подтверждается ни одним из найденных черновых фрагментов и записей лекций Соссюра (см.: [Godel, 1957; Майро, 1999, с. 391]). Это открытие вызвало в науке целую дискуссию по поводу оснований и даже самой правомерности произведенного издателями расширения текста. Дискуссия эта, часто приобретающая эмоциональный и оценочный характер, не прекращается вплоть до наших дней.

Критики и комментаторы усматривают в произведенном расширении «Курса» необоснованный субъективизм в интерпретации концепции Соссюра. Так, по словам А. А. Холодовича, А. Сеше и Ш. Балли, «в полном согласии со своей концепцией, завершили воссоздаваемый ими курс формулировкой, которую следует оставить всецело на совести издателей,

ибо она не зафиксирована ни в одном конспекте, ни в одном цикле лекций» [Холодович, 1977, с. 18]. Некоторые критики усматривают во

² Далее, как и здесь, французские термины и выражения в составе цитируемых работ Соссюра приводятся по этому изданию.

включении в текст «Курса» «необоснованное угадывание намерений автора», полагая даже, что на издателях лежит ответственность за последующую «однобокость позиции структурализма» [Мауро, 1999, с. 296, 392]. Предлагаются альтернативные варианты создания текста «Курса» с учетом всех обнаруженных записей. Образцом такого рода работы в отечественной науке является герменевтический опыт Холодовича. Публикации новых материалов, по мнению историков науки о языке, «не позволяет полностью восстановить мысль Соссюра, которая непрерывно развивалась и обновлялась» [Слюсарева, 1990 а, с. 22]. Р. Годель отмечает: «Мысль Ф. де Соссюра, судя по его неизданным заметкам и записям курсов, блестяща, хотя улавливается с трудом. Она концентрируется вокруг нескольких основных положений, своего рода геометрических точек, наметивших систему линий, которые должны были, в конце концов, определить цельную фигуру. Но мы располагаем лишь некоторыми последовательными набросками и фрагментами этой фигуры, которые не дают возможности определить с точностью ее окончательные контуры» (цит. по: [Слюсарева, 1990а, с. 16]).

Представляется, однако, что вопрос о мотивах и основаниях для включения заключительной формулы в текст не является принципиальным. Текст «Курса» получил свою жизнь в науке в таком виде, какой он приобрел в осуществленном издании. Известно, что многие лингвисты, философы и представители различных сфер гуманитарного познания пытались проникнуть в суть учения Соссюра именно через посредство содержательного истолкования данной формулы, которая, по утверждению издателей, выражает «основную» (*fondamentale*) идею данного «Курса», а в восприятии критиков составляет его «квинтэссенцию» (см.: [Мауро, 1999, с. 390]).

Заключительная фраза «Курса» стала рассматриваться в лингвистике в качестве лаконичной и емкой формулировки концептуального первоначала учения Соссюра. Так, В. А. Звегинцев в кратком очерке учения Соссюра, предваряющем публикацию извлечений из «Курса», приведя эту заключительную фразу, отмечает, что в развитии данного положения Соссюр «проводит разграничение между внешней лингвистикой и внутренней лингвистикой» [Звегинцев, 1960, с. 321]. К этой заключительной формуле Звегинцев сводит тезис Соссюра о языке как системе чисто лингвистических отношений, который только и должен изучаться языковедами. Через призму идеи, заключенной в данной фразе, Звегинцев рассматривает в данном очерке также вопрос о значимости синхронического аспекта в учении Соссюра. По его словам, «отвлеченный от исторического рассмотрения, синхронический аспект позволяет исследователю сосредото-

читься на изучении замкнутой в себе системы языка, “в самой себе и для себя”» [Там же].

По утверждению Н. А. Слюсаревой, заключительная фраза «Курса общей лингвистики» сыграла «эпохальную роль» в развитии лингвистики XX в. [Слюсарева, 1990б, с. 212]. Т. де Мауро считает абсолютно правильным утверждение М. Леруа о «программном значении», которое эта фраза получила в развитии лингвистических учений последних лет [Leroy, 1965, p. 91; Мауро, 1999, с. 390–391].

Вопрос о поисках оснований для включения издателями обсуждаемой формулы в текст книги предполагает ее адекватное прочтение и содержательное истолкование, что не является, однако, простой задачей. Основная трудность здесь состоит в том, что заключительная фраза «Курса» в ее фрагменте «в себе и для себя» (*en elle-même et pour elle-même*) выражена на языке не научного, а философского дискурса³. С позиции лингвофилософии, такое вкрапление философской формулы в научный текст книги свидетельствует о переходе (сознательном или бессознательном) с собственно теоретического уровня на метауровень развертывания концепции книги. Другими словами, на уровень внутринаучной философской рефлексии, осуществленный, если и не самим Соссюром, то издателями «Курса», позволившими себе произвести такое расширение текста. Отметим, что в планах Соссюра было рассмотрение философских проблем лингвистики. По свидетельству А. Ридлингера (19.01.1909), Соссюр говорил о лекциях 1908–1909 учебного года как о «подготовке к философскому курсу лингвистики» (цит. по: [Мауро, 1999, с. 263]).

Лаконизм формулировки основной идеи «Курса», запечатленной в приведенной формуле без каких-либо специальных пояснений, не дает прямых оснований для конкретного прочтения данной формулы. Но именно эта темнота смысла формулы при сознании того, что за ней стоит какое-то особое, общезначимое содержание и даже какое-то «новое откровение века», побуждала лингвистов и философов науки к поискам все более точной экпликации такого содержания.

Внутренний логический план этой формулы представляется совершенно ясным. В данной формуле, запечатлевающей в самом общем виде специфику научной ментальности, речь идет о существовании лингвистики

³ Отдельную задачу составит опознание некой научной проблемы как чисто философской, с тем чтобы вывести ее за рамки научного дискурса обсуждения. Таковой, в видении Э. Бенвениста, является по своей сути проблема произвольности знака, которая есть «не что иное, как знаменитое: φύσει или θεσει?, и решена она может быть только путем принятия той или иной точки зрения» [Бенвенист, 1974, с. 93]. Эта проблема, по Бенвенисту, «есть не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности» [Там же].

как особой науки, объектом изучения которой является язык, рассматриваемый в особом ракурсе. В ракурсе «в самом себе и для себя». Особые трудности возникают при попытках соотнесения данной формулы с концептуальным содержанием самого «Курса» в силу неясности того, что конкретно означает это «в самом себе и для себя» и какой содержательный смысл данное выражение приобретает применительно к рассмотрению объекта познания в науке о языке.

Лингвист при осмыслении выражения «в самом себе и для себя» идет от его внутренней формы и общеязыковых значений входящих в него слов. В данном случае – русского слова «сам» и французского «тете», а также предлогов «в» (en) и «для» (pour). Так, в русском слове «сам» подчеркивается момент «самости» и «самостоятельности». Во французском слове «тете» (в разных его сочетаниях) подчеркивается, прежде всего, момент тождественности, того, что речь идет о «том же самом». Основываясь на этих языковых значениях, лингвист интуитивно воспринимает выражение «в самом себе и для себя» как некую *неделимую идиому*, как символ целостного видения вещи в ее «самости» и самодостаточности, без расчленения данной формулы на отдельные составляющие элементы.

Так, во вступительной статье к изданию «Курса» 1933 г. Д. Введенский, разделяя положение о том, что основная идея «Курса» сформулирована в его заключительной фразе, утверждает: «Стало быть, язык по де-Соссюру имеет свою собственную жизнь, свои законы, свои закономерности» [Введенский, 1933, с. 11]. И далее уточняет: «Язык как объект внутренней лингвистики выступает перед нами в виде замкнутой “системы”, существующей по своим собственным законам, признающей только “свой собственный порядок”» [Там же, с. 13]. Стараясь адаптировать эту философскую формулу, Введенский, слегка видоизменяя состав данной «идиомы», пишет: «Лингвист, обязанный заниматься изучением языка в самом языке и для самого языка (а это основная идея “Курса” де-Соссюра), должен концентрировать свое внимание на изучении звуковых и грамматических языковых форм, т. е. заниматься фонетикой и грамматикой» [Там же, с. 14].

Иногда делаются попытки расчленения заключительной формулы «Курса» с позиции здравого смысла. Так, Я. В. Лоя пишет: «Очень важным достижением Соссюра является установление специфики языкознания. До него языковеды подходили к рассмотрению языка с позиции логики, психологии, физиологии или социологии. Соссюр в заключение своего “Курса” делает важное резюме: “Единственным и истинным объектом языкознания является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя”. Вторая часть этого положения, что язык должен быть рассматриваем только “в самом себе и для себя” – неправильна. Язык существует не для себя, а для определенных целей – как орудие общения, выражения мышления

и культуры. Без этого язык есть пустой звук... Но первая часть положения Соссюра, что “единственным объектом языкознания является только язык” – абсолютно правильна и устанавливает специфику языкознания, действительно необходимую для него, как для всякой науки» [Лоя, 1968, с. 135–136].

Философ при прочтении выражения «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», идет от соответствующей философской традиции осмысления, лежащей в основании данного выражения формулы: «рассматривать некий объект в самом себе и для себя» (*envisager objet en elle-même et pour elle-même*). В выражении «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» он увидит соединение и свободный парафраз классических философских терминов «в-себе» и «для-себя» в составе единой формулы представления языка.

В различных философских дискурсах терминологическое образование «в-себе» используется для выражения идеи о существовании (бытии) чего-либо «как такового», «самого по себе», «как оно есть», вне его восприятия и познания. А терминологическое образование «для-себя» отсылает к идее самосознания и самопознания, или, на более специальном языке, «интеллигенции». Более конкретные смыслы терминологических образований «в-себе» и «для-себя», встречающихся в различных философских дискурсах, определяются спецификой тех терминологических систем, в составе которых и входят данные термины. Так, выражение «в-себе» (или без дефиса «в себе») встречается в составе философского термина И. Канта «вещь в себе» (нем. *Ding an sich*)⁴, противопоставляемого в его философской системе вещи, как она является в познании «для-нас».

Выражение «в-себе» встречается также в составе философского термина Гегеля «в-себе-бытие» (нем. *Ansichsein*), а выражение «для-себя» – в составе его философского термина «для-себя-бытие» (нем. *Fürsichsein*), обозначающего «в-себе-бытие», раскрываемое путем его осознания. «В-себе-бытие» и «для-себя-бытие» входят в гегелевской философии в сложную терминологическую систему, где встречается, в частности, выражение «бытие-для-иного» (нем. *Sein-für-Anderes*).

Развернутое пояснение терминов «в себе (*an sich*)» и «для-себя-бытие» (*Fürsichsein*) содержится «Словаре по философии Гегеля» А. Д. Власова. Первый термин «в себе (*an sich*)» он так раскрывает на примере гегелевского «в-себе-бытия понятия»: «В себе (*an sich*) – состояние *нечто* вне отношения к другому... Особенное значение это “в себе” приобретает как

⁴ «*An sich*» – немецкий эквивалент латинского «*in se*». Впервые такой перевод латинского выражения встречается у немецкого философа-рационалиста Христиана Вольфа. В некоторых современных переводах И. Канта «*Ding an sich*» переводится как «вещь сама по себе», что коррелирует с переводом более полного варианта «*Ding an sich selbst betrachtet*» – «вещь, рассматриваемая сама по себе».

в-себе-бытие понятия. Из этого последнего... достается все наличное содержание научных и философских теорий, все наличные определения бытия вообще. В себе-бытие понятия играет в идеализме Гегеля такую же роль, как материя в материализме. *Материя* материалистов служит источником всего богатства определений, добываемых посредством познания. Совершенно аналогично *понятие в себе* при своем развертывании и превращении в *для-себя-бытие* дает то же самое богатство определений. В первом случае оно достается из материи, во втором – из понятия в себе» [Власов, 2000, с. 42].

Второй термин «для-себя-бытие» (*Fürsichsein*) Власов раскрывает, опираясь на понятия «нечто» и «иное». Он пишет: «“Для-себя-бытие” (*Fürsichsein*) – бесконечное (безграничное) бытие... Для-себя-бытие есть бесконечно возвращающееся в себя бытие *нечто*. Это бытие вроде бы переходит к *иному*, но это *иное* уже не есть нечто внешнее по отношению к для-себя-бытию, так как за ним следует не еще раз другое нечто, а *иное иного*, то есть опять то же *нечто*, с которого был начат процесс. Весь процесс заключен в одном субъекте» [Власов, 2000, с. 43].

В интерпретационном изложении диалектической системы Гегеля категории «бытие-для-иного» и «в-себе-бытие», становясь «моментами наличного бытия (*Dasein*)», превращают его в «рефлектирующее наличное бытие», именуемое у Гегеля реальностью (*Realität*) [Мотрошилова, 2010, с. 675]. В диалектическом движении Гегеля «категория “для-себя-бытие” отражает то, что качественное бытие завершено» и «что оно есть “бесконечное возвращение в себя”» [Мотрошилова, 2010, с. 345].

Для осмысления заключительной фразы «Курса общей лингвистики» Соссюра о том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», представляет интерес опыт истолкования классических терминов «в-себе» и «для-себя» в диалектике А. Ф. Лосева. Ведь Лосев использовал данные термины не только для задания своей универсальной диалектической философской системы, именуемой им «абсолютной диалектикой», но и для описания специфики рефлексивной сферы знания в науке.

Если Гегель начинает свою диалектику с «Бытия», а Фихте – с «Я»⁵, то Лосев начинает конструирование своей диалектико-мифологической системы с категории «Одного», т. е. с категории, выступающей для него в качестве «действительно наипростейшего и максимально лишнего качественного содержания» первоначала [Лосев, 2001, с. 273]. Выражения «в-себе» и «для-себя» в диалектике Лосева входят в состав терминологического поля, включающего пять формально-конструктивных элементов:

⁵ О формулах М. М. Бахтина «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» см.: [Махлин, 1993, с. 195].

1) «В-себе» (Одно), 2) «Для-себя» (Сущее, или Бытие)⁶, 3) «В-себе и для-себя» (Становление), 4) «Для-себя и для-иного» (Ставшее, Субстанция), 5) «Для-иного» (Выражение, Символ) [Там же, с. 329, 332]. С помощью данных терминологических образований Лосев задает универсальную конструктивную формально-онтологическую схему реальности.

Смысловые различия терминологических образований «в-себе» и «для-себя» в диалектике Лосева раскрываются с помощью категории «интеллигенции», или самосоотнесенности. Об этом свидетельствуют, в частности, наименования двух разделов текста «Диалектика мифа», где дается описание соответствующих начальных формально-конструктивных этапов диалектического движения в системе Лосева: 1) «Вне-интеллигентная диалектика абсолютного мифа (диалектика мифического “в-себе-бытия”») и 2) «Переход к интеллигенции (“для-себя-бытие”»)» [2001, с. 273, 276]. Лосев так описывает диалектику этого второго этапа конструирования: «Одно мыслит, или созерцает, себя. Интеллигенция поэтому есть смысловая активность Одного, направляющегося на самого себя, или, короче, смысловая активность самосоотнесенности, смысловая активность для-себя-бытия» [Там же, с. 282]. Изъятие момента интеллигенции у объективного бытия, произошедшее в новоевропейском субъективизме, утверждает Лосев, превращает объективное бытие, понимаемое как бытие личностное, в механизм [Там же, с. 283–284].

А. Ф. Лосев использует философские термины «в-себе» и «для-себя» для описания перехода на уровень метаосмысления в своем опыте разработки философии числа. В работе, посвященной диалектическим основаниям математики, он с помощью данных терминологических образований так передает специфику философского самосознания в развитой науке: «Философия числа... есть не просто познание или сознание, но и самосознание духа. Это значит, что дух видит здесь сущность своей собственной деятельности. В то время как сама математика есть совокупность чисто числовых операций, философия превращает эти числовые операции в понятийные, в принципиально логические. Математика в этом смысле есть знание как бы одномерное, одноплановое, философия же заново перестраивает этот математический план, превращает его из структуры-в-себе в структуру-для-себя, понимая числа как понятия и тем самым перекрывая числовую структуру структурой логической» [1997, с. 30].

Семантический анализ выражений «в-себе» и «для-себя» в различных научных и философских дискурсах позволяет более четко представить себе смысловые контуры языка как объекта изучения лингвистики, зада-

⁶ См. определение категории жизни у Лосева: «Что же такое жизнь? Жизнь есть прежде всего самоощущение, – некое бытие, внутренне переживающее себя самого, *бытие-для-себя*» [2009, с. 55].

ваемого на основе принципа имманентности, выраженного в заключительной максиме «Курса общей лингвистики» Соссюра. С позиций данного принципа язык как объект изучения лингвистики предстает как двуединое образование, рассматриваемое в двух своих ракурсах. В ракурсе «в-самом-себе», или *автономности*. И в ракурсе «для-себя», или *рефлексивной гомогенности*. Рассматриваемый в ракурсе «в-самом-себе», – язык предстает как некая *автономная, самодовлеющая (самодостаточная)* реальность. Рассматриваемый в ракурсе «для-себя», он предстает как реальность, рефлексивно осмысливаемая сообразно своей внутренней природе, *без привнесения «иного»*: чужих свойств, атрибутов, точек зрения, целей и др.

В философских учениях даются развернутые толкования понятия «самодовлеющий». Так, Лосев дает характеристику данного понятия на примере толкования «фонемной функции», о чем пишет: «Если попытаться дать определение самого принципа фонемной функции, то нужно сказать, что она есть смысловозначительная, т. е. чисто смысловая данность. Будучи фактически основанной на эмпирических наблюдениях, она, взятая сама по себе, в смысловом отношении вполне самостоятельна. Функция, во-первых, основана сама же на себе, т. е. она самообоснованна. Во-вторых, теория функции делает свои выводы при помощи своих же собственных, т. е. чисто смысловых и вполне имманентных соотношений. Функция, таким образом, не только самообоснованна, но и самодоказательна. И, в-третьих, она не преследует никаких целей, кроме как проявления и выражения самой же себя. Она, следовательно, не только самообоснованна, не только самодоказательна или, вообще говоря, самодеятельна, но и *самодовлеющая*» [Лосев, 1989, с. 72].

Именно в таком ключе автономности и гомогенности лингвисты и понимают обычно заключительную формулу «Курса» Соссюра. Как замечает Э. Бенвенист, «когда лингвисты по примеру Ф. де Соссюра начали рассматривать язык “в самом себе и для себя”, они признали принцип, ставший основным для всей современной лингвистики: язык образует систему» [1974, с. 23]. И поясняет: «Лингвисты осознают, что их дело – посредством адекватных приемов изучать и описывать языковую реальность (*réalité linguistique actuelle*), не примешивая к описанию, которое должно быть синхронным, никаких априорных теоретических или исторических допущений (*présupposé*), и анализировать язык в рамках его собственных формальных элементов» [Там же]. Таким образом, «не философия языка, не эволюция языковых форм становится объектом лингвистики, а прежде всего *имманентная реальность языка (la réalité intrinsèque de la langue)*» [Там же]⁷.

⁷ Здесь и далее французские термины и выражения в составе цитируемых работ Э. Бенвениста приводятся по изданию [Benveniste, 1966].

По словам Л. Ельмслева, «лингвистическая наука, возвращаемая филологами с трансцендентной целью (с целью, находящейся вне языка) и под сильным влиянием гуманитарных наук, отрицавших значение системы, не смогла... установить единый принцип анализа, и поэтому он остался приблизительным и субъективным, метафизическим и эстетствующим» [1960, с. 271]. Но «лингвистическая теория, избегающая преобладающей до сих пор трансцендентной точки зрения, стремящаяся к пониманию языка как *имманентной, непротиворечивой и специфической структуры*... и, наконец, устанавливающая постоянное в пределах языка, а не вне его... начинается с ограничения области своего объекта» [Там же, с. 279].

Возникает вопрос, какого рода лингвистический объект отвечает условиям принципа имманентности, сформулированного в заключительной формуле «Курса», и о какой «лингвистике», изучающей объект такого рода, идет речь у Соссюра.

Негативный (апофатический) ответ на оба эти вопроса подсказывается самим текстом «Курса общей лингвистики». И, прежде всего, содержанием его заключительного абзаца. Здесь утверждается, что из проведенных в «Курсе» экскурсов в «пограничные» («смежные») области (*dans les domains limitrophes*) нашей науки вытекает один «отрицательный урок» (*un enseignement tout négatif*), совпадающий с основной идеей данного «Курса», выраженной с помощью рассматриваемой заключительной формулы. Напомним, что в ближайшем контексте речь шла об ошибочном толковании языка как «органической вещи» (*une chose organique*) у Шлейхера и в учениях, полагающих, что «“гений” расы или этнической группы непрерывно направляет язык на какие-то определенные пути» [Соссюр, 1977, с. 269]. Еще ранее в «Курсе» говорилось об ошибочном толковании языка как номенклатуры, а также о рассмотрении языка «в зависимости от чего-то другого (*autre*), с чуждых (*autre*) ему точек зрения» [Там же, с. 54]. Упомянулось о том, что определение языка предполагает «устранение из понятия “язык” всего того, что чуждо его организму, его системе» [Там же, с. 59]. Иначе говоря, «всего того, что известно под названием “внешней лингвистики”» [Там же].

Позитивный (катафатический) ответ на поставленные вопросы подсказывается общей направленностью «Курса». Основываясь на этом, некоторые интерпретаторы полагают, что в заключительной фразе «Курса» речь идет о «внутренней лингвистике», предметом изучения которой является язык, понимаемый как семиотическая система [Leroу, 1965, р. 90–91]. По выражению Т. де Мауро, издатели, написав последнюю фразу, конечно, «не создали *e nihilio*»⁸ [1999, с. 392]. Эта фраза вполне коррелирует с принципом, упоминаемым в начале «Курса», согласно которому при рас-

⁸ *E(x) nihilio* – лат. «из ничего».

смотрении вопроса о целостном и конкретном объекте лингвистики «надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (norme) для всех прочих проявлений речевой деятельности» [Соссюр, 1977, с. 47]. Ведь только язык среди множества проявлений речевой деятельности допускает «независимое (autonome) определение и дает надежную опору для мысли» [Там же]. При этом, как утверждается в «Курсе», если «речевая деятельность в целом имеет характер разнородный», то язык есть по своей природе нечто однородное – это «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [Там же, с. 53].

Некоторые историки науки пытаются отыскать косвенные основания и источники для включения заключительной фразы «Курса» в черновых записках Соссюра. По утверждению Н. А. Слюсаревой, формулировку заключительной фразы «Курса общей лингвистики» издателем мог подсказать один из пассажей «Заметок по общей лингвистике» Соссюра, где речь идет о языке как «семиологическом объекте» [Слюсарева, 1990б, с. 212]. Двойственную природу такого объекта, никогда не позволяющую «охватить его целиком», Соссюр передавал здесь, прибегая к сравнению с шахматами [Соссюр, 1990, с. 99–100].

*«Лингвистическое кредо» Соссюра:
«точка зрения создает самый объект»*

Задавшись целью выявить в трудах Соссюра «оживотворяющий» их принцип, Бенвенист усматривает такой принцип в направленности соссюровской мысли на первоосновы. Ф. де Соссюр, в его представлении, есть «прежде всего и всегда человек, ищущий первоосновы (l'homme des fondements)» [Бенвенист, 1974, с. 48]⁹.

Путь восхождения Ф. де Соссюра к «первоосновам» в лингвистическом познании начался, по словам Бенвениста, с поисков «первичных элементов» (les données élémentaires) и открытия языка как объекта, который «не может быть сравним ни с чем» [Там же, с. 49, 54]. Другими словами, с постановки вопроса о том, какова специфика объекта изучения в лингвистике в сравнении с другими науками и что есть по своей природе языковой факт, из которого лингвисты исходят в своих описаниях. В видении Соссюра, специфика объекта изучения в лингвистике определяется, преж-

⁹ Установка на поиски первооснов у Соссюра тесно связана с острым ощущением границ изучаемой реальности и научного знания. Так, семиологии «предстоит многое сделать уже только для того, чтобы установить свои границы», – утверждается в одной рукописной заметке Соссюра («Cahiers F. de Saussure», 15, 1957, p. 19).

де всего, формой и способами существования языковых фактов (первичных данных).

Соссюр исходит из гносеологической максимы, согласно которой в лингвистическом познании изучаемый объект не дан непосредственно сам по себе в виде определенного образования как некая субстанциальная реальность. А это означает, что в лингвистике «объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр, 1977, с. 46]. В оригинале: «Bien loin que l'objet précède le point de vue, on dirait que c'est le point de vue que crée l'objet» [Saussure, 1972, p. 23].

Эта максима постоянно уточнялась и развивалась Соссюром в самых разных аспектах. Так, в одном из фрагментарных материалов Соссюра к книге по общей лингвистике говорится: «В других случаях прежде даны вещи, объекты, которые затем человек волен рассматривать с различных точек зрения. Здесь же сначала даны точки зрения, истинные или ложные, но исключительно точки зрения, с помощью которых вторично *создаются* объекты (les choses). Эти вторично созданные вещи (créations) соответствуют реальным, если отправка точка истинна, или не соответствует им в случае противного» (цит. по: [Бенвенист, 1974, с. 54])¹⁰. Но в обоих случаях, утверждает Соссюр, «никакая вещь, никакой объект не на одно мгновение не даны сами по себе» (aucune chose, aucun objet n'est donné un seul instant en sui) [Там же]. Даже, когда речь идет о «самом что ни на есть материальном явлении, которое на первый взгляд самым очевидным образом определено само по себе, как, например, некоторая последовательность звуков голоса» [Там же]. «Если бы кто-нибудь из лингвистов, разбирающихся в сути дела, доказал нам, что в языке можно заранее найти реальный объект, неважно какой, но предшествующий анализу, а не вытекающий из него... это [означало бы конец лингвистики]», – резюмирует Соссюр [1990, с. 118].

В лингвистическом познании, следовательно, невозможно находить точку опоры в самом объекте. Развивая данное представление, Соссюр так формулирует свое «лингвистическое кредо»¹¹: «В других областях можно говорить о вещах *с той или другой точки зрения*, будучи уверенными, что мы найдем твердую почву для этого в самом объекте. В лингвистике мы, в принципе, отрицаем... будто имеются вещи, которые продолжают существовать, когда мы переходим от идей одного порядка к идеям другого порядка, и будто можно, следовательно, допустить рассмотрение “вещей” в нескольких аспектах, как если бы эти вещи были даны сами по себе

¹⁰ Другой перевод данного фрагмента см.: [Соссюр, 1990, с. 110].

¹¹ Как выражается сам Соссюр: «Voici notre profession de foi en matière linguistique» (цит. по: [Benveniste, 1966, с. 39]).

(considérer des “choses” dans plusieurs ordres, comme si elles étaient données par elles-mêmes)» (цит. по: [Бенвенист, 1974, с. 54])¹². Строго говоря, утверждает Соссюр, «в лингвистике запрещено говорить... о “каком-либо объекте” с различных точек зрения или об объекте вообще, потому что именно точка зрения и создает этот объект» [Соссюр, 1990, с. 110–111]. Хотя, вопреки этому запрету, добавляет Соссюр, это постоянно и делается.

В современном научном познании такая позиция продолжает существовать, находя убедительное обоснование в концепции исследовательской парадигмы. Е. С. Кубрякова замечает: «В разные эпохи, в разные исторические периоды существования человека язык изучался по-разному, и в поле зрения ученых оказывались разные функции языка, разные его ипостаси и особенности. В разных направлениях и школах язык как бы поворачивался к нам разными гранями. Все зависело от точки зрения на язык, а значит, в зависимости от этого фактора мы могли увидеть в языке не только разное, но больше или меньше» [1999, с. 3].

Размышляя над идеей о том, что в лингвистике точка зрения создает объект, Соссюр обращает внимание на одну появляющуюся при этом методологическую проблему. Всякий раз, как вводится различие «точек зрения», замечает Соссюр, в лингвистическом познании возникает проблема, связанная с установлением того, «имеем ли мы дело с одними и теми же “объектами”» [1990, с. 111]. Другими словами, возникает проблема установления инвариантов при анализе языковых данных. Так, «как только кто-нибудь прибегает к выражениям такого рода (например, *eqnos*¹³ с точки зрения фонетики, с точки зрения этимологии, с точки зрения своих производных, с точки зрения...), мы наблюдаем явное смешение понятий, потому что *eqnos* превращается в нечто, что можно рассматривать с сотен точек зрения и что, следовательно, существует независимо от всех них» [Там же, с. 110–111]. Но «пусть попробуют определить, что такое *eqnos* независимо от той или иной точки зрения!» – резюмирует свои рассуждения Соссюр [Там же, с. 111].

В заметках к работе об Уитни Соссюр пишет: «Объект, который используется как знак, никогда не является “одним и тем же” дважды; с самого начала необходимо рассмотреть этот вопрос или заключить предварительное соглашение, чтобы знать, с какой целью и в каких пределах мы имеем право считать объект одним и тем же. В этом заключается основное отличие объекта, используемого как знак, от любого другого объекта, и это же со всей очевидностью является источником всех других его отли-

¹² Другой перевод данного фрагмента см.: [Соссюр, 1990, с. 110].

¹³ По замечанию Н. А. Слюсаревой, Соссюр приводит здесь «гипотетическую форму восстанавливаемого общиндоевропейского слова “конь”» [Слюсарева, 1990б, с. 213].

чительных черт. – Например, стол, который стоит передо мной, материально один и тот же и сегодня и завтра. А буква *b*, которую я пишу, так же материальна, как и стол, но она не [одна и та же в двух случаях]» [Там же, с. 85]. И еще: «Языковой факт не существует вне какого либо отношения тождества. Но отношение тождества зависит от принятой точки зрения, которая может быть разной; следовательно, ни один, даже мельчайший, языковой факт не существует независимо от той или иной точки зрения, которая определяет проводимые нами разграничения» [Там же, с. 109].

Отметим, что сходная проблема в более широком масштабе возникает и в современном гуманитарном познании при обсуждении вопроса о формах существования гуманитарных объектов. В видении современной методологии науки для дисциплин гуманитарного типа – лингвистики, семиотики, искусствоведения, музыковедения и др. – характерна вообще множественность форм существования объекта исследования (смыслового, семиотического, операционального и др.) и множественность областей употребления, связанных с деятельностью личности и культурным контекстом общения. Из этого следует методологическая невозможность и нецелесообразность достижения единой парадигматики для описания этого объекта в разных формах его существования.

При попытке проникновения в смысл соссюрвской максимы о том, что в лингвистике точка зрения создает объект, возникает особая трудность, связанная с различным пониманием самого термина «объект», который в разных гносеологических доктринах используется в самых разных смыслах. Комментируя заключительную фразу «Курса» Соссюра, Т. де Мауро обращает внимание на истолкование у Соссюра самого термина «объект». По его мысли, термин «объект» использовался Соссюром в значении «конечная цель какой-либо деятельности» [Мауро, 1999, с. 307]. Иначе говоря, «в схоластическом значении, где *obiectum*, как и аристотелевское *τέλος*, – конец какой-то операции, а в случае *obiectum* науки – это предмет (*matière*) знания, известный и изученный» [Там же].

Отмечая, что данное значение термина «объект» сохраняется и в современной философской традиции, Т. де Мауро приводит следующее высказывание Дж. Дьюи из его работы «Логика: теория исследования» (1924): «Слово “объект” означает предмет, тему (*matière*), разработанную по мере ее производства и систематизации в процессе исследования, т. е. объекты – это цели (*objectifs*) исследования. Двусмысленность, которую можно встретить в использовании термина “объект” в этом значении... не более чем видимость. В действительности, вещи существуют для нас как объекты лишь постольку, поскольку они были предварительно определены как результаты исследования» [Мауро, 1999, с. 307]. Хотя, уточняет Дьюи, правило и требует, чтобы слово «объект» употреблялось «для обо-

значения вещей, которые можно наблюдать или о которых можно думать» [Там же].

Гносеологическая концепция Дьюи, развивающая сходное с соссюрским операционально-конструктивное понимание объекта, получила название «инструментализма». Согласно данной концепции, познание не созерцательно, а инструментально. Сам Дьюи рассматривал свой инструментализм как логическую версию прагматизма. Для того чтобы лучше понять суть «лингвистического кредо» Соссюра и ход его мысли в поисках объекта изучения в лингвистике, приведем характеристику объекта познания в концепции Дьюи, где операционально-конструктивное понимание объекта приобретает развернутый характер. В книге «Современные теории познания» Т. Хилла так раскрываются в апофатически-катофатическом ключе представления Дьюи об объектах познания (со ссылкой на высказывания из его «Логики»): «Объекты познания для Дьюи *не психические сущности*, как для некоторых идеалистов; *не вещи*, появляющиеся в начале исследования, как считают неореалисты; *не скрытые субстанции*, вообще никогда не появляющиеся, как для некоторых критических реалистов. Объекты познания представляют собой “предмет рассмотрения, как он был порожден и упорядочен определенным образом средствами исследования... тем, на что направлено исследование” [Хилл, 1965, с. 316].

И далее: «Объекты, полученные в результате прежних исследований, конечно, могут быть использованы в новых исследованиях... Но сами *объекты никогда не бывают просто даны*, они появляются в опыте только в результате какого-то предшествующего исследования. Объекты нельзя постичь отдельно. Они всегда являются частями целостных ситуаций, охватывающих, наравне с объектами, постигающие их организмы и непосредственный опыт. Объект отбирается и выделяется из целой ситуации в процессе ее преобразования; он не ставится просто перед противостоящим ему сознанием... В окончательном виде объекты выступают не просто как группа предъявленных качеств, но в значительной степени как предвидимый опыт» [Там же, с. 316–317].

В своих сочинениях, резюмирует Хилл, Дьюи «постоянно повторял, что объект познания есть нечто такое, что не существует до исследования, но является результатом решения неудовлетворительной ситуации, из которой вырастает исследование. Объект появляется к концу, а не к началу процесса. Такой подход действительно отражает реальный факт, так как, конечно, сначала для исследователя нет вполне созревшего объекта, познанный объект (*object-as-known*) появляется лишь в конце процесса» [Там же, с. 335].

При историко-научной интерпретации концепций существует опасность привнесения в реконструируемые учения чуждых смысловых представлений. Такая опасность существует и при истолковании «лингвистического

кредо» Соссюра. Современный лингвист при обсуждении гносеологической позиции автора обычно пытается понять такую гносеологическую позицию не через классическую трихотомию «объект / субъект / знание», а через дихотомию «объект / предмет изучения».

В гносеологии и философии науки, исходящей из дихотомии «объект / предмет изучения», под предметом в самом широком его истолковании понимается «категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания» [ФЭС, 1983, с. 525]. При этом в соответствии с природой объекта, соотносящегося с данным предметом, предмет «может быть материальным (например, живой организм... как предмет познания) или идеальным (математическая формула, концептуальный образ, взятые как предмет познания)» [Там же]. В сфере науки предметом изучения называют объект, рассматриваемый в познании в определенном ракурсе, сквозь призму определенных теоретических представлений, целей и задач соответствующей научной дисциплины. Научный же факт понимается как увиденный сквозь теоретическую призму эмпирический материал.

В самосознании науки, исходящей из дихотомии «объект / предмет изучения», объект и предмет изучения не рассматриваются как тождественные, совпадающие в своем смысловом содержании. Принимается, что в предмет «входят лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки» [Там же]. Само же противопоставление предмета (Gegenstand) объекту (Objekt) было введено в гносеологию и философию науки лишь столетие назад, в 1904 г., австрийским философом Р. Амезедером.

В некоторых гносеологических учениях, где противопоставление «объект / предмет изучения» не является релевантным, значимым окажется только понятие объекта, построение которого составляет особую, далеко не тривиальную задачу. В традиции, исходящей из понимания объекта как результата какой-либо операции, сконструированный объект науки окажется тождественным предмету изучения в гносеологических учениях, исходящих из дихотомии «объект / предмет знания».

В русле такого второго гносеологического («инструменталистского») подхода, как представляется, и формировалось «лингвистическое кредо» Ф. де Соссюра.

*Реляционная лингвистика Соссюра:
ее идеи и принципы*

Размышления над спецификой языковых данных в лингвистике приводят Ф. де Соссюра к основоположениям реляционной лингвистики с ее признанием двойственного характера языка и приоритета принципа отно-

шений при получении первичных данных. Для Соссюра, по словам Бенвениста, сам язык, «с какой бы точки зрения он ни изучался, всегда есть объект двойственный, состоящий из двух сторон, из которых одна существует лишь в силу существования другой» [Бенвенист, 1974, с. 54]. Как утверждает Соссюр, «любой языковой факт представляет собой отношение, в нем нет ничего, кроме отношения» [Соссюр, 1990, с. 197].

Такова, по Бенвенисту, была «очевидность, открывшаяся Соссюру с самого начала его научной деятельности» [Бенвенист, 1974, с. 49]. И всей его жизни, замечает Бенвенист, «будет мало», чтобы ввести эту очевидность в лингвистическую теорию [Там же]. Замечательно, что практика лингвистического описания у Соссюра в его знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878) предварила теоретическую разработку им идеи о приоритете принципа отношений в лингвистическом описании. В данном исследовании Соссюр, по словам А. А. Зализняка, «продемонстрировал... структурный принцип, согласно которому место фонемы в системе (в частности, способ ее функционирования в составе морфологических единиц) составляет более существенную ее характеристику, чем ее вероятный фонетический облик» [Зализняк, 1977, с. 300].

В «Курсе общей лингвистики» данная идея будет выражена с помощью следующих дефиниций: 1) «язык есть форма, а не субстанция»; 2) «в языке нет ничего, кроме различий»¹⁴; 3) «в языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет»; 4) «фонемы – это, прежде всего, оппозитивные, относительные и отрицательные сущности...» [Соссюр, 1977, с. 151–154].

Возникает вопрос, имеется ли в учении Соссюра какой-либо постулат, который связал бы воедино всю его концепцию внутренней лингвистики. По мысли Н. А. Слюсаревой, теоретическую основу реляционной лингвистики Соссюра составляет его учение о языковой значимости, или ценности (*la valeur linguistique*): «Теория ценности (*valeur*) лингвистического знака является главным звеном соссюрской лингвистики и представляет собой то новое, что внесено швейцарским лингвистом в золотой фонд науки о языке, так как до него эта проблема не затрагивалась ни в одной языковедческой концепции» [Слюсарева, 1975, с. 46]. Выдвинув проблему ценности (значимости) языковых единиц, Соссюр, по словам Слюсаревой, определил наличие у них «реляционных свойств» [Там же, с. 100–101].

Многозначность французского слова «*valeur*» создает дополнительные трудности при его переводе на другие языки. В отечественной лингвисти-

¹⁴ См. также: «У языковых сущностей нет никакого субстрата; они существуют, потому что они различаются, и местоимение *они* всегда обозначает только различие» [Соссюр, 1990, с. 197].

ке термин «*valeur*» в разных переводческих традициях передается на русский язык обычно как «значимость» и «ценность»¹⁵. В русском издании «Курса общей лингвистики» 1933 г. этот термин передается и как «ценность», и как «значимость», причем второй термин используется чаще. В русском переводе «Курса» 1977 г. *valeur* передается как «значимость»¹⁶. См., например: «Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» [Соссюр, 1977, с. 154]. В оригинале: «C'est la différence qui fait le caractère, comme elle fait la valeur et l'unité» [Saussure, 1972, p. 168].

В некоторых аналитических описаниях концепции Соссюра и его идей *valeur* переводится как «ценность». Такой вариант перевода, по утверждению Н. А. Слюсаревой, наиболее «близок к сути передаваемого им соссюровского понятия» [1990а, с. 24]. Сторонником этого второго варианта выступал также С. К. Шаумян, который полагал, что «термин Ф. де Соссюра “*valeur*” представлен в русском переводе не только правильным термином “ценность”, но и неудачным альтернативным термином “значимость”» [Шаумян, 1965, с. 127]. Встречается и еще один вариант перевода термина «*valeur*». Так, Я. В. Лоя, вслед за А. С. Чикобавой, переводит соссюровское *valeur* как «валентность» [Лоя, 1968, с. 139].

Каждый из распространенных вариантов перевода имеет свои основания. В переводе термина «*valeur*» как «ценность» сохраняется генетическая связь с исходным учением о меновой форме стоимости в политической экономии, откуда был заимствован сам термин «*valeur*». В переводе *valeur* как «значимость» подчеркивается концептуальная связь этого *valeur* с другими терминами терминологического поля значения и знака в лингвистике. Однако, как на это обращает внимание Н. А. Слюсарева, такая смысловая связь у самого Соссюра не подчеркивается. Слово «*valeur*» во французском языке этимологически не связано со словами «знак», «значение», «обозначение» (*signe, signification, signifié*). Поэтому, считает Слюсарева, более разумным будет при переводе *valeur* использовать слово «ценность». Это, кроме того, по ее мысли, «избавляет от многих ошибочных определений, привнесенных полисемией слова “значимость”» [Слюсарева, 1975, с. 46].

Учение о языковой значимости Ф. де Соссюра сводится у него к следующим тезисам: 1) «язык есть не что иное, как система чистых значимостей» [Соссюр, 1977, с. 144]; 2) «раз язык есть система, все элементы которой образуют целое... значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих» [Там же, с. 147]; 3) «язык есть сис-

¹⁵ Отметим, что в немецком переводе термина «*valeur*» использованы слова *Wert* и *Geltung*.

¹⁶ Такой перевод принимается во многих современных работах. См., например: [Уфимцева, 2013].

тема чистых значимостей, определяемая исключительно наличным состоянием входящих в нее элементов» [Соссюр, 1977, с. 113]. И, наконец, к тезису «...в семиологических системах, как, например, в языке, где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости и наоборот. Вот почему понятие значимости, в конечном счете, покрывает и понятие единицы, и понятие конкретной языковой сущности, и понятие языковой реальности» [Там же, с. 143]

В интерпретативном изложении А. А. Холодовича учение Соссюра о значимости сводится к следующим тезисам: 1) значимость (*valeur*) по своей сущности «чисто дифференциальна», она определяется «не положительным своим содержанием, а отрицательно: отношением к другим членам системы, то есть тем, что окружает знак в системе»; 2) значимость знака «является следствием того, что знак находится в соответствии (= противопоставлен) с другими знаками»; 3) значимость знака «может изменяться только в силу изменения другого знака»; 4) система значимости «наиболее сложно организована в языке» [Там же, с. 678].

Тезис имманентной лингвистики Соссюра о том, что форма первична, а субстанция занимает зависимое от нее, вторичное положение, принимаемый в радикальных направлениях структурализма, вызвал в последующем множество возражений как со стороны лингвистов, так и со стороны философов. Подобное утверждение «предполагает исходную возможность независимого существования формы и субстанции, что трудно себе представить», – полагает В. А. Звегинцев [1967, с. 113]. И считает, что имеется «больше оснований утверждать, что вне субстанции нет формы, так же как вне формы нет субстанции».

А. Ф. Лосев в работе «В поисках построения общего языкознания как диалектической системы», замечая, что фонема, как бы ее ни рассматривали, «всегда является для нас системой отношений», полагает, что подобного рода проблематика после Соссюра «явилась навсегда совершенно необходимой для всякого передового языкознания» [1989, с. 37]. И поясняет: «...де Соссюр известен своим учением о языке как системе отношений. Для Соссюра невозможно сводить язык только к содержанию высказываемых мыслей. Это языковое высказывание всегда теснейшим образом дифференцировано и оформлено, а не просто осуществляется глобально. Поэтому язык, по Соссюру, и надо рассматривать как систему отношений, причем, конечно, отношений не вообще, но специфически языковых» [Там же].

Хотя, по мысли Лосева, многие черты языковедческой теории Соссюра и «остались в нашей науке навсегда», а «если они кем-нибудь игнорировались или игнорируются, то это характеризует только отсталую манеру мышления подобных языковедов», это учение, однако, нуждается в опре-

деленной коррекции [Там же, с. 38]. Так, по словам Лосева, «для отношений необходимо, чтобы были те субстанции, между которыми устанавливаются отношения» [Там же, с. 37]. Но «как раз эти субстанции и не учитывает де Соссюр в должной мере» [Там же].

Резкая критика данных положений Соссюра о соотношении в языке формы и субстанции содержится у В. И. Абаева. «Соссюр не делает никакой тайны из того, что в понимании сущности языка он выступает как принципиальный и последовательный формалист (имея в виду формализм как идеологию, а не как интерес к форме)», – утверждает Абаев [2000, с. 242]. В положении Соссюра о том, что «язык есть форма, а не субстанция», по мысли Абаева, «остаётся неясным, формой какой субстанции является язык и какая наука должна изучать субстанцию, чьей формой является язык» [Там же]. Ведь элементы языка, по Соссюру, «существуют не сами по себе, а лишь через те формальные отношения, которые между ними устанавливаются» [Там же]. Эти же отношения, утверждает Абаев, в свою очередь, «не соответствуют ничему в объективной действительности, они определяются целиком внутриязыковой формально-реляционной системой» [Там же]. Между тем, полагает Абаев, «соотносимость фактов языка с фактами опыта и объективной действительности – не случайный момент, а самый существенный»: «Весь язык, его общественная ценность держится не на внутренних корреляциях, а на корреляциях с данными опыта» [Там же, с. 243].

Реляционная лингвистика Ф. де Соссюра разделяет идею о диалектико-семиологической природе языка. В реконструкции Бенвениста центральный пункт учения Соссюра составляет принцип «оппозиционного дуализма»¹⁷. В соответствии с данным принципом «все в языке необходимо определять в двойках терминах», поскольку «на всем лежит печать оппозитивного дуализма» [Бенвенист, 1974, с. 55]. В концепции Соссюра Бенвенист различает: «дуализм артикуляторно-акустический», «дуализм звука и значения», «дуализм индивида и общества», «дуализм языка и речи», «дуализм материального и несубстанциального», «дуализм “ассоциативного” (парадигматики) и синтагматики», «дуализм тождества и противопоставления», «дуализм синхронического и диахронического».

Помимо данных противопоставлений, в учении Соссюра речь идет также, по словам Ю. С. Степанова, о «дуализме природы языка вообще и в самых разных частных ее проявлениях», а также о «дуализме знака (единстве в нем означаемого и означающего) как основной единице языка» [Степанов, 1974, с. 417]. При этом, как подчеркивает Бенвенист, «ни один

¹⁷ По комментарию Ю. С. Степанова, Бенвенист использует здесь слово *dualité*, которым он называет и те противопоставления, которые в русской традиции именуются «дихотомиями» Соссюра [Степанов, 1974, с. 417].

из противопоставленных таким образом терминов не имеет значимости сам по себе и не соотносится с субстанциальной реальностью» [Бенвенист, 1974, с. 55]. Значимость каждого из таких противопоставленных терминов «является следствием его противопоставленности другому» [Там же]. По наблюдению Р. И. Шор, установленные Соссюром лингвистические антиномии «весьма близко воспроизводят основные положения философии языка Гумбольдта» [Шор, 1933, с. 212]. Допуская возможность предположения о том, что антиномии Соссюра восходят к Гегелю, Э. Косериу полагает при этом, что «сходство между Соссюром и Гегелем не заходит очень далеко» [Косериу, 1963, с. 326–327]. Если антиномии Гегеля «постоянно разрешаются в динамической и конкретной полноте реального», то антиномии же Соссюра, напротив, «абстрактны» и остаются «неразрешимыми» [Там же].

Согласно одному из основоположений реляционной лингвистики Соссюра, «связь, которую мы устанавливаем между объектами, предшествует самим этим объектам и служит их определению» [Соссюр, 1990, с. 110]. А это означает, в частности, по формулировке Бенвениста, излагающего позицию Соссюра, что для того, чтобы «уловить явление в его исторической конкретности», необходимо «поместить каждый элемент в сеть определяющих его отношений» [Бенвенист, 1974, с. 49].

В истолковании Ю. С. Степанова данное высказывание равносильно утверждению, что «индивидуальное существует лишь в силу общих связей» и что «индивидуальное постигается лишь через общее» [1974, с. 415–416]. Взятое в онтологическом смысле как утверждение о бытии объекта, это положение, по Степанову, свидетельствует о том, что Соссюр опирался на один из основополагающих тезисов рационалистической философии (Декарт, Спиноза), согласно которому сущность (*essentia*) предшествует существованию (*existentia*). Данный эссенциалистский тезис, по словам Степанова, к началу XX в., однако, «уже исчерпал свой прогрессивный философский смысл», и в философской мысли начинается экзистенциалистское движение, согласно которому «существование, экзистенция, предшествует сущности» [Там же, с. 416]. По такому пониманию, «индивидуальный исторический факт, в частности и факт языка, не может быть целиком понят только в сетке абстрактных отношений» [Там же].

Однако данный эссенциалистский тезис, взятый в гносеологическом смысле как утверждение о познании объекта, по мысли Степанова, «имел тогда и сохраняет теперь известное прогрессивное значение» [Там же]. Этот тезис «обосновывает возможность понимания внутренней структуры языка в абстракции от ее действительного существования, как “алгебры”» [Там же]. А «возможность “исчисления” этой структуры и ведет к прогрессивной формализации в качестве одного из возможных методов науки о языке» [Там же].

Ю. С. Степанов видит в рассматриваемом положении Соссюра истоки ошибочного отождествления научной абстракции языка с языком как объективно существующим явлением действительности. Или, на другом языке, отождествления гносеологической характеристики языка (модели языка) с его онтологической характеристикой [Там же, с. 416]. Такое неправомерное отождествление, подчеркивает Степанов, неоднократно становилось предметом научных дискуссий.

Лингвофилософские идеи Ф. де Соссюра в пространстве гуманитарной мысли

Вне зависимости от того, как создавался текст «Курса общей лингвистики» и что в нем аутентично, лингвистику XX в. невозможно представить себе без этой книги. Значение «Курса» в становлении гуманитарной мысли трудно переоценить как в плане принятия идей этой книги, так и в плане их отрицания. Так, первое издание «Курса» в русском переводе (1933) имело своей установкой ознакомление с трудом Соссюра «для критического изучения и преодоления» [Введенский, 1933, с. 5].

Позитивное влияние «Курса» на становление лингвистики XX в. и научных интересов самих лингвистов было огромным. Так, Вяч. Вс. Иванов, размышляя о роли книги Соссюра «Курс общей лингвистики» в становлении его как лингвиста-семиотика, пишет: «С самого начала моих размышлений о языке и языкознании (после того как я в 1947 г. прочитал Соссюра и Сепира) я стал думать о соотношении этой науки с более общими занятиями знаками (семиологией Соссюра, нынешней семиотикой в “тартуско-московской” школе в 1960–1980-е гг., составившей главный предмет наших обсуждений). Стало ясным, что язык как абстрактная система знаков входит в число объектов, изучаемых логической семиотикой и теми областями логики, которые составляют особую математическую дисциплину» [Иванов, 2002, с. 81].

Что же касается отношения к самой лингвистической и лингвофилософской концепции Соссюра, выражаемой в «Курсе», то оно не было однозначным. Одни критики, лингвисты и философы языка считали, что в данной книге открылась новая – имманентная (семиологическая) – реальность и были намечены новые пути постижения языка. По утверждению Р. О. Шор, как первая работа Соссюра («Мемуар»), так и «последний труд гениального ученого подводит итоги одной научной эпохи и открывает другую» [Шор, 1927, с. 51]. Другие же критики, лингвисты и философы языка находили учение Соссюра неоригинальным, рассматривая это учение как конгломерат известных идей и представлений.

В отечественной лингвистике мысль о неоригинальности Соссюра высказывал Е. Д. Поливанов, который в сборнике «За марксистское языко-

знание» писал: «Посмертная книга F. de Saussur'a, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» (цит. по: [Холодович, 1977, с. 669]). Сходную мысль в наши дни с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода развивает А. В. Вдовиченко, который в книге «Расставание с “языком”» утверждает: «Несмотря на внешнюю новизну некоторых его (Соссюра. – В. П.) позиций в отношении к предшествующей научной традиции, его взгляды нельзя в полном смысле именовать революционными» [2009, с. 98]. Воззрения Соссюра «следует признать обновлением и суммированием античных представлений о языке, выведением на новый терминологический уровень прежних неточностей и недоговоренностей, которые были вполне свойственны традиционной модели» [Там же]. Их «внутренняя конструкция, или их основополагающие “мыслимые подлежащие”, не претерпели никаких изменений по сравнению с античными» [Там же].

Действительно, по наблюдению историков науки о языке, «почти любое утверждение, сформулированное Соссюром, нетрудно свести к идее, высказанной кем-либо из его предшественников или кем-либо из его современников» [Холодович, 1977, с. 669]. Генетические источники и параллели идей Соссюра усматриваются в обширном пространстве культуры. Так, Т. де Мауро возводит идеи Соссюра к учению Панини, Платона, Аристотеля, Августина, Лейбница, Дюркгейма, Х. фон дер Габеленца и многих других философов и ученых. По словам А. А. Холодовича, сам Соссюр никогда не указывал источников своих идей. У него нет ссылок ни на Дюркгейма, ни на Тарда, ни на Бодуэна де Куртенэ, ни на Габеленца и т. д., за исключением отчасти Уитни [Там же, с. 670]. Но это не имеет принципиального значения. Как подчеркивает Холодович, на пути ретроспективы невозможно понять, почему Соссюр стал подлинным «властителем умов» XX в. Ведь Соссюр – это «не сложение идей, а система идей», и в данном случае «проблема источника каждой идеи приобретает второстепенное значение» [Там же].

По свидетельству историков науки, Соссюр вобрал многие идеи, «витающие в воздухе» в те годы, но как истинный творец науки, он не просто аккумулировал их, а так своеобразно их осмыслил и переработал, что «заслужил сравнение» с Кантом, Коперником и Декартом [Слюсарева, 1990а, с. 8]. «Мы имеем право говорить о соссюровской лингвистике, – утверждает Р. Годель. – Пусть эта лингвистика вписывается в поток идей, первыми свидетелями которого стали Уитни и Винтелер, но она, тем не менее, не становится от этого менее оригинальной» (цит. по: [Мауро, 1999, с. 289]).

Сам Соссюр придавал большое значение систематизации идей при разработке научных теорий, о чем упоминал в разговоре с А. Ридлингером (19.01.1909): «Теория должна быть системой, такой же точно, как язык. В этом-то и заключается трудность. Довольно просто выстроить друг за другом утверждения, взгляды на язык, но главное – это скоординировать их в систему» (цит. по: [Мауро, 1999, с. 289]). Такая координация идей, по мнению ряда исследователей, не всегда, однако, удавалась самому Соссюру в его теоретических построениях, что дает определенные основания для утверждений об эклектизме соссюровских воззрений. Так, Н. А. Слюсарева говорит об известном «эклектизме философских основ теории Соссюра, в которой причудливо сочетаются рационализм и позитивизм, психологический социологизм и интуитивизм, релятивизм и элементы стихийно диалектики» [Слюсарева, 1975, с. 110].

Однако А. Ф. Лосев, упоминая о данной оценке философских основ учения Соссюра у Слюсаревой, полагает: «Этот эклектизм, как мы думаем, не является эклектизмом в подлинном смысле слова, а есть только результат слишком описательного и интуитивного подхода к языку... Этот эклектизм целиком исчезает с того момента, как только вместо интуитивной описательности мы становимся на позиции логики и диалектики» [Лосев, 1989, с. 38]. Сходную мысль высказывает и Ю. С. Степанов. Утверждая, что «воздействие идей Соссюра на мировую лингвистику наших дней, бесспорно, велико», он полагает, что такое влияние сказалось преимущественно «в разработке оснований современной лингвистики, то есть в логическом плане развития идей» [Степанов, 1974, с. 415]. А всякая поистине адекватная развивающаяся теоретическая система не может базироваться на эклектических основаниях.

«Причудлива судьба (*destin*) идей, и кажется иногда, что они живут своей собственной жизнью, утверждая или опровергая своего творца или во всем величии воссоздавая его облик», – писал Бенвенист в своем этюде «Соссюр полвека спустя» [1974, с. 58]. И отмечал поразительный контраст, который представляет переходящая (*temporelle*) жизнь Соссюра в сравнении с судьбой его идей о языке, которые ему самому никогда не казались «достаточно зрелыми для публикации» [Там же]. По мысли Бенвениста, учение Соссюра «в том или ином отношении питает всю теоретическую лингвистику нашего времени» [Там же, с. 56]. Причем воздействие идей Соссюра, утверждает Бенвенист, «усиливается в результате слияния соссюровских идей с идеями других теоретиков» [Там же]. Известно, что одна из аксиом теории языка К. Бюлера, получившая название «Речевое действие и языковая структура», представляет собой «своеобразный син-

тез» идей Соссюра с воззрениями Гумбольдта, Гуссерля и некоторыми идеями Аристотеля [Булыгина, Леонтьев, 1993, с. XXI]¹⁸.

Учение Ф. де Соссюра открывало для науки о языке XX в. новые темы, проблемы, перспективы. Данное учение, по словам В. Н. Топорова, «в своих основных положениях сыграло и продолжает играть несомненную положительную роль, оказывая мощное влияние на современное теоретическое языкознание» [САИИЯ, 1960, с. 83]. Целый ряд теоретических положений Соссюра уже стали аксиомами. К их числу относятся различение языка и речи, синхронии и диахронии, знаковый характер языка и др. Без таких представлений, утверждает Топоров, «немыслимо современное теоретическое языкознание», хотя формы этих противопоставлений, а иногда даже содержание некоторых его понятий и допускают различную интерпретацию [Там же].

Открытые Соссюром онтологические характеристики языка служат основанием для построения новых теорий. Так, А. Ф. Лосев конструирует свою лингводиалектическую систему, опираясь на соссюровскую дихотомию языка и речи, синтез которой он осуществлял в категории «текста» [1989, с. 13]. Отдельные положения теоретической доктрины Соссюра, по мысли некоторых лингвистов, нуждаются в известном пересмотре. Таковым, в видении С. К. Шаумяна, является соссюровский тезис о линейности означающего [1965, с. 95].

В восприятии некоторых последователей учения Соссюра данное учение при всей его имманентной ориентированности не является принципиально закрытым. Так, Ельмслев, признававший Соссюра первооткрывателем имманентно-семиологического подхода к языку, рассматривал сам этот подход лишь в качестве первого шага постижения языка¹⁹. В итоге лингвистическая теория, по его мысли, должна прийти «к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка» [Ельмслев, 1960, с. 381]. И тем самым должен достичь цели, к которой она стремилась: «*humanitas et universitas*» [Там же]. Другими словами, «человечность» и «всеобщность». Современные исследователи полагают, что результаты имманентного – структурно-семиологического – этапа изучения языка мо-

¹⁸ Сам К. Бюлер, говоря об истоках своей работы, помимо «Принципов истории языка» Пауля и «Логических исследований» Э. Гуссерля, называет и «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра [Бюлер, 1993, с. 10].

¹⁹ Как утверждает Т. де Мауро, пут (нем. *Umwelt* – ‘окольная дорога’), предлагаемый Соссюром лингвистике, гораздо шире, чем путь, реализованный в структурализме. Такой путь включает, в частности, многочисленные языки, универсальные аспекты языковой техники, рассматриваемой в ее «глубинном единстве», с обновленным изучением «стороны реализации» – «индивидуальной реализации» и др. [Мауро, 1999, с. 392].

гут быть включены при их известной модификации в более широкую картину представления лингвистической реальности. Так, по выражению Ю. Н. Караулова, основная заповедь современной лингвистической парадигмы «за каждым текстом стоит система языка» должна быть расширена и при включении в лингвистику категории личности обретает следующий вид: «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 1987, с. 27].

В учении Соссюра усматривают основания для разработки новых направлений в науке о языке, а также новых способов описания языковых явлений. Многие исследователи находят в теории Соссюра потенциальные возможности, способные реализоваться при дальнейшем развитии лингвистики. Так, Ю. С. Степанов усматривает у Соссюра предчувствие новой парадигмы, новой философии языка, именуемой им Новым реализмом. Размышляя над мыслью о том, что «носитель языка в принципе не может знать значений слов своего языка», Степанов полагает, что «отдаленное предчувствие этой идеи заключалось уже в открытии относительности значения – в понятии значимости (*valeur*), введенном Ф. де Соссюром» [Степанов, 1998, с. 708, 709].

Многие из идей Соссюра, содержащихся имплицитно в его учении, были реализованы спустя десятилетия после выхода «Курса». По словам С. К. Шаумяна, Ф. де Соссюр писал в эпоху, «когда еще не было логического синтаксиса и логической семантики» [Шаумян, 1965, с. 128]. Однако, его сравнение языка с шахматной игрой, понятие ценности, принцип дифференциации, по которому в языке нет ничего кроме различий, его тезис о том, что язык есть форма, а не субстанция, – все это говорит о том, что Соссюр «трактовал систему языка в синтаксическом смысле» [Там же]. Или – «как систему синтаксических определений грамматических элементов» [Там же]²⁰.

В учении Соссюра усматриваются также идеи, которые еще только предстоит осмыслить и развить. Так, Вяч. Вс. Иванов упоминает об одной «замечательной мысли» Соссюра, еще не получившей «достаточно плодотворного развития», – о выявлении в синхронном состоянии языка «архаических черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного», что представляет особый интерес и для прогнозирования будущего [Иванов, 2002, с. 85].

Отдельную тему в соссюроведении составляет изучение разных форм адаптации идей Соссюра в разных лингвистических и лингвофилософских

²⁰ По словам С. К. Шаумяна, на совпадение концепции Соссюра с позицией современной логики относительно возможности описания языка с помощью синтаксической семиотической системы указывал еще Ельмслев. Шаумян ссылается здесь на «Пролегомены к теории языка» [Ельмслев, 1960, с. 364–365, 421].

направлениях. Такая адаптация может происходить нередко в весьма парадоксальных формах. В частности, концептуальные построения Соссюра могут выступать как отрицаемые в составе каких-либо учений или же встречаться в других терминологических обличиях. На этот последний момент обращал внимание В. Н. Топоров, выступая в дискуссии о синхронии и диахронии 1957 г., где говорил: «Сама тема дискуссии де факто свидетельствует о победе принципов Соссюра, хотя бы эти принципы и были взяты в самом общем виде и одеты в псевдосовременные одежды. Зачастую докладчики сами, видимо, не понимали, насколько они связаны – даже в их критике – с теорией Соссюра, насколько они зависят от него» [САИИЯ, 1960, с. 83].

Идеи Соссюра могут сохранять свой содержательный смысл, будучи переведены на языки альтернативных учений. Л. А. Гоготишвили упоминает об одной авторской фразе Бахтина, прерывающей его фрагментарный конспект «Курса» Соссюра, которую, по ее словам, можно расценить как «емкую характеристику» истолкования Соссюром объекта лингвистики в специфически бахтинских терминах: «Речевая цепь в пределах одного высказывания без смены речевых субъектов» [Бочаров и др., 1996, с. 582–583]. Что же касается отношения Бахтина к учению Соссюра в целом, то это учение стало предметом критического рассмотрения в его совместной работе с В. Н. Волошиновым «Марксизм и философия языка». В данной работе авторы, выделяя в истории мировой лингвистики два односторонних направления в изучении языка – «абстрактный объективизм» и «индивидуалистический субъективизм», – относят учение Соссюра к первому направлению²¹. По их утверждению, Соссюр придавал всем идеям этого направления «поразительную ясность и отчетливость», а также «безбоязненно доводил свои мысли до конца, придавая исключительную четкость и резкость всем основным линиям абстрактного объективизма» [Волошинов, 1993, с. 65]. А его формулировки основных понятий лингвистики «могут считаться классическими» [Там же].

В современной гуманитарной науке идеи Соссюра, нашедшие наиболее полное воплощение в некоторых радикальных течениях структурализма, задают проблемное поле, в рамках которого происходит обсуждение, а иногда и прямое отрицание данных идей. Мысль о бесплодности идей структурализма в силу его специфического формализма развивал в отечественной науке В. И. Абаев, считая структурализм частью обширного течения в культуре «модернизма» с его установкой на «дегу-

²¹ О другой возможности задания типологического пространства лингвофилологических воззрений пишет В. М. Алпатов, различавший два подхода к языку – «антропоцентричный» и «системоцентричный» и относивший учение Соссюра ко второму подходу [Алпатов, 1993].

манизацию» и «изгнание человека». По утверждению Абаева, сущность структурализма заключается «не в системном рассмотрении языка, а в дегуманизации языкознания путем его предельной формализации» [2000, с. 241]. Дегуманизация же языкознания, по Абаеву, есть «лишь одно звено в общем процессе дегуманизации культуры» [Там же]. Тезис о принципе дегуманизации в структурализме разделяется также в «Философии языка» В. И. Медведева, который утверждает: «Структурализм придерживается принципа “теоретического антигуманизма”. Согласно этому принципу, человек есть нечто производное, зависимое от функционирования объективных структур. Человек как субъект должен быть вынесен за скобки в гуманитарных исследованиях» [Медведев, 2012, с. 280].

Наиболее обсуждаемой в критическом ракурсе является мысль Соссюра о существовании экстралингвистической проблематики в науке о языке, к которой относятся такие темы, как язык и мышление, язык и культура, язык и история, проблема происхождения языка. В наиболее острой форме отрицание такой позиции Соссюра наблюдается у В. И. Абаева, который в характерной для него парадоксальной форме предельно заостряет этот вопрос: «Существует мнение, что языковед не должен заниматься этими проблемами, так как они являются “экстралингвистическими”, выходят за рамки языка и, таким образом, нарушают его специфику. Однако возможна и иная точка зрения: нераздельное единство с мышлением и неразрывная связь с историей как раз-то и составляют глубочайшую специфику языка... С этой точки зрения модернистская лингвистика – это и есть экстралингвистика, т. е. нечто, лежащее за пределами языкознания как общественной науки» [2000, с. 253]. Ведь, как утверждает Абаев, «связи языка с мышлением и историей – не выдуманные, не искусственные. Они коренятся в самой природе, в самой сущности языка. Мышление и история – это те ворота, через которые в язык властно и неудержимо входит человеческий фактор, тот самый человеческий фактор, который тщетно пытаются изгнать из него модернисты» [Там же]. И заключает: «Модернистскому тезису об изучении языка в себе и для себя мы противопоставляем наш тезис: всякое внегуманитарное рассмотрение языка основано на игнорировании его специфики, а потому является внематематическим» [Там же].

Некоторые исследователи обращают внимание на принципиальное значение структуралистского подхода для понимания вопроса о соотношении языка и мышления. Так, по утверждению М. В. Мачавариани, «структурная лингвистика, являющаяся в определенном смысле ступенью лингвистики вообще, доказала, что язык обладает собственной структурой, достойной быть специальным объектом изучения и не дающей основания предполагать наличие полного изоморфизма между мышлением и языком ни в форме, ни в содержании» [1967, с. 36].

Одной из наиболее обсуждаемых идей в современной лингвистике является тезис Соссюра о произвольности знака, или его немотивированности. Исследователи связывают его выдвижение с «релятивистским способом мышления» конца XIX в. [Бенвенист, 1974, с. 91]. По словам Р. О. Шор, «утверждение произвольности знака, игнорирующее отношения языка, мышления и бытия... приводит де-Соссюра к исключению проблемы происхождения из допустимой проблематики науки в языке, а тем самым и к сугубо формалистическому отрыву проблемы языка от проблемы мышления» [1933, с. 229]. На других основаниях тезис Соссюра о произвольности знака отрицается в различных вариантах реалистической философии языка, развиваемых в религиозной философии имени в рамках отечественной философии всеединства.

Оценивая значимость идей Соссюра для становления науки о языке, философы языка отмечают, что со времени Ф. де Соссюра лингвистика «окончательно превращается в науку, рефлексивно, эксплицитно выделившую свой особый объект исследования, соответствующий особым лингвистическим методам» [Мачавариани, 1967, с. 34]. Что же касается вопроса об онтологическом статусе такого объекта, или, на языке гносеологии, проблемы существования объекта изучения, а также о границах лингвистической реальности, который время от времени возникает в научном самосознании, то он является глубоко дискуссионным. Так, по категорической максиме В. И. Абаева, «те, кто занимается языком без мышления и без истории, занимаются, в сущности, не языком, а некоей фикцией, которой не соответствует никакая объективная реальность» [2000, с. 253].

Как полагает, однако, В. Н. Топоров, «теоретическое... языкознание имеет право заниматься различного рода абстракциями, предельными случаями, объектами, существующими лишь в идеальном плане, которые реально являются фикциями. Точно так же теоретик вправе изымать из целого отдельные элементы языка и проводить аналогии – пусть частичные и лишь отчасти истинные – между языком и математической логикой, математикой, теорией информации и т. д.» [САИИЯ, 1960, с. 83–84]. Задаваясь вопросом, «что значит рассматривать “язык” как знаковую систему», Г. П. Щедровицкий полагает, что «соссюровское разделение языка и речи, которое не дало действительного теоретического решения, а лишь эмпирически более точно поставило проблемы», еще «должно быть теоретически объяснено в рамках того идеального объекта, который предстоит сконструировать» [1967, с. 85], притом что «реальное различие двух разнородных элементов речевой деятельности не может вызывать сомнений и возражений» [Там же].

* * *

Вот так, с печатью гения, совсем молодым
вступил Соссюр на научное поприще...

Эмиль Бенвенист [1974, с. 51]

Произнеся эти слова по поводу выхода «Мемуара» Ф. де Соссюра, написанного им в двадцатилетнем возрасте, и осмысливая дальнейший жизненный и творческий путь его автора, Э. Бенвенист добавляет: «Драме Соссюра суждено было преобразить лингвистику» [1974, с. 53]. Возникает вопрос: в чем же заключалась эта драма? Биографы усматривают драму Соссюра в том, что в своем творчестве он значительно опередил свое время – на полвека или даже на целый век. Эту идею развивает Т. де Мауро: «Говорят, что для ученого большим несчастьем является “открытие Америки”, то есть открытие того, что уже давно известно; но еще большей является драма, подобная драме викингов, открывших Америку слишком рано. Соссюр пережил эту драму; этот раскол: с одной стороны – ощущение очевидности и тривиальности, исходящей от фундаментальных истин после их открытия, а с другой стороны – болезненное ощущение одиночества, изолированности в разработке и развитии этой истины» [Мауро, 1999, с. 267–268].

Э. Бенвенист называет драму, глубоко пережитую Соссюром, «драмой мысли». По его выражению, «в той самой мере, как Соссюр постепенно утверждался в своей собственной истине, он отдалялся от своей эпохи, ибо эта истина заставляла его отвергать все, что писалось и говорилось тогда о языке» [Бенвенист, 1974, с. 52]. Отдельные моменты этой своей драмы приоткрывает сам Ф. де Соссюр в письме к А. Мейе от 4 января 1894 г., в котором он, касаясь своих этюдов о балтийской интонации, пишет: «Занимаясь... долгое время... логической классификацией этих (языковых. – В. П.) явлений (faits), классификацией точек зрения, с которых мы их рассматриваем, я все отчетливее вижу, сколь необъятную работу следовало бы провести, чтобы показать лингвисту, *что он делает* (ce qu'il fait)» (цит. по: [Мауро, 1999, с. 266]). И, вместе с тем, показать ему «тщетность (grande vanité) всего того, что, в конце концов, можно сделать в лингвистике» [Там же].

Для самого же Соссюра, по его признанию, интерес представляет лишь эта «живая и выразительная» (pittoresque), почти «этнографическая» сторона языка как принадлежащего определенному народу. Но именно в данный момент он лишен радости погружения в такое исследование. «Абсолютная косность» (l'inertie absolue) современной терминологии, необходимость реформировать ее, для чего необходимо показать, что за объект представляет собой язык вообще (quelle espèce d'objet est la langue en

général), постоянно портят ему то «наслаждение» (plaisir), которое он получает от своих исторических занятий. И это при всем том, что самым заветным желанием Соссюра было бы «избежать необходимости заниматься языком вообще (en general)» [Там же].

Все это, утверждает Соссюр, закончится, вероятно, книгой, в которой он даст объяснение тому, почему же среди употребляемых лингвистических терминов не существует ни одного такого, в котором он обнаружил хотя бы какой-либо смысл. И только после этого, говорит Соссюр, он «смог бы возобновить свою работу с того места, на котором ее оставил» [Там же]. Самому Соссюру с его гиперкритицизмом, высокой интеллектуальной дисциплиной и строгой эlegantностью мысли такую книгу не суждено было написать. Он считал выполнение этой задачи «непосильным для себя делом» [Холодович, 1977, с. 671]. Для этого необходимо было бы, чтобы «мысль автора приняла завершенные формы» [Там же, с. 668]. Общая лингвистика представлялась Соссюру, по его собственным словам, в виде системы, напоминающей геометрию: «Все сводится к теоремам, которые надо доказать» [Там же].

Драма Соссюра, приведшая, в конце концов, говоря словами Бенвениста, к преобразованию самой лингвистики, была драмой творческой личности, погруженной в глубины двух полярных состояний: невозможности писать и невозможности не писать. Эту драму Соссюра на высоком языке поэзии наиболее точно передают следующие строки Анны Ахматовой: «И сколько я стихов не написала, / И тайный хор их бродит вокруг меня / И, может быть, еще когда-нибудь / Меня задушит... / Мне ведомы начала и концы, И жизнь после конца, и что-то, / О чем теперь не надо вспоминать» («Северные элегии», 1945).

Всякая творческая личность – ученый, философ, художник слова – оставляет в дар следующим поколениям в качестве своеобразного духовного завещания не только свои конкретные работы, не всегда, правда, даже до конца завершенные, но, прежде всего, открытый ими новый интеллектуально-духовный мир и свой опыт его обретения. Жизненный опыт Соссюра учит нас сохранению верности Истине, свидетельствуя о том, что наука не всегда есть только радость озарений и открытий, но жертвенный подвиг и аскетический труд на ее тернистом пути.

Список литературы

Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–256.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 271 с.

Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бочаров С. Г., Гоготшивили Л. А., Паньков Н. А., Попова И. Л. Комментарии // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов.

Булыгина Т. В., Леонтьев А. А. Карл Бюлер: жизнь и творчество // Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. М.: Прогресс, 1993. С. VII–XXIV.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Введенский Д. [Н.] Фердинанд де Соссюр и его место в лингвистике // Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешез. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 3–21.

Вдовиченко А. В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 510 с.

Власов А. Д. Словарь по философии Гегеля. М.: Заря, 2000. Т. 2: Наука логики. 670 с.

Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / Коммент. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 289–301.

Звегинцев В. А. Фердинанд де Соссюр // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. Ч. 1. С. 320–322.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: взгляд в будущее / Под ред. Г.И. Берестнева; Калининград. гос. ун-т. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002. С. 6–86.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 143–343.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.

Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. С. 5–92.

Лосев А. Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. 831 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

Лосев А. Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 224 с.

Лоя Я. В. История лингвистических учений (Материалы к курсу лекций). М.: Высш. шк., 1968. 308 с.

Мауро Т. де. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре. Примечания // Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Под ред. Ш. Балли, А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 235–395.

Махлин В. Л. Комментарии // Медведев П. Н. (М. М. Бахтин.) Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. С. 193–206.

Мачавариани М. В. О предмете лингвистики // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест. 28 / VIII – 2 / IX 1967). М.: Наука, 1967. С. 33–37.

Медведев В. И. Философия языка. Очерки истории. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 336 с.

Мотрошилова Н. В. Для-себя-бытие // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. Т. 1.

Пуанкаре А. О науке. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1983. 560 с.

Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики – 1967. М.: Наука, 1968. С. 103–125.

Реформатский А. А. Фонологические этюды. М.: Наука, 1975. 135 с.

Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М.: Наука, 1979. 103 с.

САИИЯ – О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 160 с.

Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 112 с.

Слюсарева Н. А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию // Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. М.: Прогресс, 1990а. С. 7–30. (Языковеды мира)

Слюсарева Н. А. Комментарии // Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. М.: Прогресс, 1990б. С. 208–218. (Языковеды мира)

- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. М.: Прогресс, 1990. 280 с. (Языко-веды мира).
- Степанов Ю. С.* Комментарий // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 441–445.
- Степанов Ю. С.* Изменчивый «образ языка» в науке XX в. // Язык и наука конца 20 века / Сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 7–34.
- Степанов Ю. С.* Язык и Метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- Уфимцева Н. В.* Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 44–51.
- Флоренский П. А.* Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2: У водоразделов мысли. 448 с.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
- Хилл Т. И.* Современные теории познания: Пер. с англ. / Ред. пер. Б. Э. Быховский. М.: Прогресс, 1965. 533 с. (Для научных библиотек)
- Холодович А. А.* Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 9–29.
- Шаумян С. К.* Структурная лингвистика. М.: Наука, 1965. 396 с.
- Шаумян С. К.* Философские вопросы теоретической лингвистики. М.: Наука, 1971. 160 с.
- Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики // Яфетический сборник. Л., 1927. Т. 5. С. 32–71.
- Шор Р. О.* Примечания // Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешез. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 208–264.
- Щедровицкий Г. П.* Что значит рассматривать язык как знаковую систему // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест. 28 / VIII – 2 / IX 1967). М.: Наука, 1967. С. 84–88.
- Benveniste É.* Problèmes de linguistique générale. Paris: NRF, Gallimard, 1966. 356 с.
- Godel R.* Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. Saussure. Genève: Librairie Droz, 1957. 283 p.
- Leroy M.* Profilo storico della linguistica moderna. Trd. itallenne (Les grande courants de la linguistique moderne. Paris; Bruxelles, 1963). Bari, 1965.
- Saussure F. de.* Cours de linguistique générale / Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de Mauro. Paris, 1972. 520 p.

Article metadata

Title: Ferdinand de Saussure and his role in the evolution of linguistic and philosophical thought of the 20th-21st centuries

Author: V. I. Postovalova

Author's e-mail: aroni4@yandex.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract. The article considers the description of an outstanding linguistic theorist, semiotics and language philosopher of the 20th century Ferdinand de Saussure's creative career and course of life. Considerable attention is given to the analysis of the Saussure's *Course of General Linguistics* content and to the disclosure of the ideas significant for the establishment of the modern humanities.

Three basic program settings of linguistic philosophical thought of the 20th and 21st centuries are considered: "immanent linguistic", "anthropological" and "transcendent religious" differing in their understanding of the linguistic reality nature and in the choice of ways to comprehend it. The paper contains a description of the immanent semiological approach, the ancestor of which is Ferdinand de Saussure. The Saussure's "linguistic credo" which is based on the epistemological maxim "the point of view creates an object" is analyzed. We consider the philosophical and logical grounds for the advancement and creation of this maxim in humanitarian knowledge.

The ideas and principles of Saussure's "relational linguistics" developed in the framework of the immanent semiological approach are disclosed: "oppositional dualism," sign arbitrariness, discrimination of internal and external linguistics, postulates that "language is a form and not a substance" as well as that "there is nothing in language other than differences," which were the subject of subsequent profound and fruitful discussions in the humanities. The question of the linguistic and philosophical Saussure's concept genetic origins and its integrity is discussed. The characteristic of the epistemological status of Saussure's ideas in modern humanities and its fundamental role in the formation of new directions in the study of language is given.

The paper analyses the specificity of the philosophical terminology adaptation in the academic discourse on the example of comprehending of the well-known formula of *Course of General Linguistics*: "The language in itself and for itself", as well as the theoretical interpretation of the category of significance (*valeur*) in the humanitarian knowledge.

At the end of the article it is noted that every creative person - scientist, philosopher, writer - keeps to the next generation not only specific research but also the new intellectual and spiritual world that he has discovered as his testament.

It is claimed that Saussure's life experience teaches contemporary researchers the preservation of fidelity to Truth testifying that science is not always only the joy of insights and discoveries, but a sacrificial feat and ascetic labor on its thorny path.

Key terms: humanitarian cognition, academic and philosophical discourses, intrascientific reflection, immanent semiological approach, relational linguistics, form and substance.

Reference literature (in transliteration):

Abaev V. I. Lingvisticheskiy modernizm kak degumanizacija nauki o jazyke // Vasiliju Ivanovichu Abaevu 100 let. Sbornik statej po iranistike, obshhemu jazykoznaniju, evrazijskim kul'turam. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 237–256.

Alpatov V. M. Ob antropocentrichnom i sistemocentrichnom podhodah k jazyku // Voprosy jazykoznanija. 1993. № 3. S. 15–26.

Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury. M.: Coda, 1997. 343 s.

Avtonomova H. S. Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnykh naukah (kriticheskij ocherk koncepcij francuzskogo strukturalizma). M.: Nauka, 1977. 271 s.

Benvenist Je. Obshhaja lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.

Benveniste É. Problèmes de linguistique générale. Paris: NRF, Gallimard, 1966. 356 c.

Bocharov S. G., Gogotishvili L. A., Pan'kov N. A., Popova I. L. Kommentarii // Bahtin M. M. Sobr. soch. M.: Russkie slovari, 1996. T. 5: Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov.

Bühler K. Teorija jazyka. Rerezentativnaja funkcija jazyka: Per. s nem. / Obshh. red. i komment. T. V. Bulyginov. M.: Progress, 1993. 528 s.

Bulygina T. V., Leont'ev A. A. Karl Bjuler: zhizn' i tvorcestvo // Bühler K. Teorija jazyka. Rerezentativnaja funkcija jazyka: Per. s nem. / Obshh. red. i komment. T. V. Bulyginov. M.: Progress, 1993. S. VII–XXIV.

Coşeriu E. Sinhronija, diahronija i istorija // Novoe v lingvistike. M.: Izd-vo inostr. lit., 1963. Vyp. 3. S. 143–343.

FJeS – Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1983. 840 s.

Florenskij P. A. Soch.: V 2 t. M.: Pravda, 1990. T. 2: U vodorazdelov mysli. 448 s.

Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. Saussure. Genève: Librairie Droz, 1957. 283 p.

Hill T. I. Sovremennye teorii poznanija: Per. s angl. / Red. per. B. Je. Byhovskij. M.: Progress, 1965. 533 s. (Dlja nauchnykh bibliotek)

Hjelmslev L. Prolegomeny k teorii jazyka // Novoe v lingvistike. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. Vyp. 1. S. 264–389.

- Holodovich A. A. Ferdinand de Saussure. Zhizn' i trudy // Saussure F. de. Trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1977. S. 650–671.
- Ivanov Vjach. Vs. Lingvistika tret'ego tysjacheletija: voprosy k budushhemu // Jazykoznanie: vzgljad v budushhee / Pod red. G.I. Berestneva; Kaliningrad. gos. un-t. Kaliningrad: FGUIPP «Jantar. skaz», 2002. S. 6–86.
- Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 1987. 264 s.
- Kubryakova E. S. Semantika v kognitivnoj lingvistike (o koncepte kontejnera i formah ego ob'ektivacii v jazyke) // Izv. RAN. Serija literatury i jazyka. 1999. T. 58, № 5–6. S. 3–12.
- Leroy M. Profilo storico della linguistica moderna. Trd. itallenne (Les grande courants de la linguistique moderne. Paris; Bruxelles, 1963). Bari, 1965.
- Loja Ja. V. Istorija lingvisticheskijh uchenij (Materialy k kursu lekcij). M.: Vyssh. shk., 1968. 308 s.
- Losev A. F. Dialektika mifa. M.: Mysl', 2001. 558 s.
- Losev A. F. Haos i struktura. M.: Mysl', 1997. 831 s.
- Losev A. F. Izbrannye trudy po imjaslaviju i korpusu sochinenij Dionisija Areopagita. S prilozheniem perevoda traktata «O Bozhestvennyh imenah». SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2009. 224 s.
- Losev A. F. V poiskah postroenija obshhego jazykoznanija kak dialekticheskoj sistemy // Teorija i metodologija jazykoznanija: Metody issledovanija jazyka. M.: Nauka, 1989. S. 5–92.
- Machavariani M. V. O predmete lingvistiki // Problemy jazykoznanija: Doklady i soobshhenija sovetskijh uchenykh na H Mezhdunarodnom kongresse lingvistov (Buharest. 28 / VIII – 2 / IX 1967). M.: Nauka, 1967. S. 33–37.
- Mahlin V. L. Kommentarii // Medvedev P. N. (M. M. Bahtin.) Formal'nyj metod v literaturovedenii. M.: Labirint, 1993. S. 193–206.
- Mauro T. de. Biograficheskie i kriticheskie zametki o F. de Saussure. Primechanija // Saussure F. de. Kurs obshhej lingvistiki / Pod red. Sh. Balli, A. Seshe. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. S. 235–395.
- Medvedev V. I. Filosofija jazyka. Ocherki istorii. SPb.: Izd-vo RHGA, 2012. 336 s.
- Motroshilova N. V. Dlja-sebja-bytie // Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. / Pod red. V. S. Stjopina. M.: Mysl', 2010. T. 1.
- Poincaré A. O nauke. M.: Nauka. Gl. red. fiz.-mat. lit., 1983. 560 s.
- Reformatskij A. A. Fonologicheskie jetjudy. M.: Nauka, 1975. 135 s.
- Reformatskij A. A. Ocherki po fonologii, morfonologii i morfologii. M.: Nauka, 1979. 103 s.
- Reformatskij A. A. Termin kak chlen leksicheskoj sistemy jazyka // Problemy strukturnoj lingvistiki – 1967. M.: Nauka, 1968. S. 103–125.
- SAIIJa – O sootnoshenii sinhronnogo analiza i istoricheskogo izuchenija jazykov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 160 s.

Saussure F. de. Cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de Mauro. Paris, 1972. 520 p.

Saussure F. de. Trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1977. 696 s.

Saussure F. de. Zametki po obshhej lingvistike: Per. s fr. / Obshh. red., vstup. st. i komment. N. A. Sljusarevoj. M.: Progress, 1990. 280 s. (Jazykovedy mira).

Shaumjan S. K. Filosofskie voprosy teoreticheskoy lingvistiki. M.: Nauka, 1971. 160 s.

Shaumjan S. K. Strukturnaja lingvistika. M.: Nauka, 1965. 396 s.

Shhedrovickij G. P. Chto znachit rassmatrivat' jazyk kak znakovuju sistemu // Problemy jazykoznanija: Doklady i soobshhenija sovetskih uchenyh na X Mezhdunarodnom kongresse lingvistov (Buharest. 28 / VIII – 2 / IX1967). M.: Nauka, 1967. S. 84–88.

Shor R. O. Krizis sovremennoj lingvistiki // Jafeticheskij sbornik. L., 1927. T. 5. S. 32–71.

Shor R. O. Primechanija // Sossjur F. de. Kurs obshhej lingvistiki, izdannyj Sh. Balli i A. Sesheje. M.: Socjkgiz, 1933. S. 208–264.

Sljusareva N. A. Kommentarii // Sossjur F. de. Zametki po obshhej lingvistike: Per. s fr. / Obshh. red., vstup. st. i komment. N. A. Sljusarevoj. M.: Progress, 1990b. S. 208–218. (Jazykovedy mira).

Sljusareva N. A. O zametkah F. de Sossjura po obshhemu jazykoznaniju // Sossjur F. de. Zametki po obshhej lingvistike: Per. s fr. / Obshh. red., vstup. st. i komment. N. A. Sljusarevoj. M.: Progress, 1990a. S. 7–30. (Jazykovedy mira)

Sljusareva N. A. Teorija F. de Sossjura v svete sovremennoj lingvistiki. M.: Nauka, 1975. 112 s.

Stepanov Ju. S. Izmenchivyy «obraz jazyka» v nauke HH v. // Jazyk i nauka konca 20 veka / Sost. i obshh. red. Ju. S. Stepanova. M.: Izd-vo RGGU, 1995. S. 7–34.

Stepanov Ju. S. Jazyk i Metod: k sovremennoj filosofii jazyka. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 s.

Stepanov Ju. S. Kommentarij // Benveniste E. Obshhaja lingvistika. M.: Progress, 1974. S. 441–445.

Ufimceva N. V. Idei F. de Sossjura v psiholingvisticheskom prochtenii // Voprosy psiholingvistiki. 2013. № 1 (17). S. 44–51.

Vdovichenko A. V. Rasstavanie s «jazykom»: kriticheskaja retrospektiva lingvisticheskogo znanija. M.: Izd-vo PSTGU, 2009. 510 s.

Vlasov A. D. Slovar' po filosofii Gegelja. M.: Zarja, 2000. T. 2: Nauka logiki. 670 s.

Voloshinov V. N. (M. M. Bahtin). Marksizm i filosofija jazyka: osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke / Komment. V. Mahlina. M.: Labirint, 1993. 192 s.

Vvedenskij D. [N.] Ferdinand de Sossjur i ego mesto v lingvistike // Saussure F. de. Kurs obshhej lingvistiki, izdannij Ch. Bally i A. Sechehaye. M.: Socekiz, 1933. S. 3–21.

Zaloznjak A. A. O «Memuare» F. de Sossjura // Saussure F. de. Trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1977. S. 289–301.

Zvegincev V. A. Ferdinand de Sossjur // Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. M.: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1960. Ch. 1. S. 320–322.

Zvegincev V. A. Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. M.: Prosveshhenie, 1967. 338 s.